

Патриаршество в XX веке: неудачный эксперимент

Последние полгода Русская Православная Церковь оказалась втянута во множество громких скандалов. Это — новый и необычный факт.

Его можно объяснять по-разному. Наиболее распространены две точки зрения. Первая: Церковь — это рассадник средневекового мракобесия, и никакого согласия с современным обществом у нее быть не может. Отсюда и скандалы. Вторая точка зрения: скандалы — дело рук внешних врагов Церкви и России, стремящихся сорвать набирающую силу консолидацию здоровых патриотических сил вокруг патриарха и президента.

Есть и третья точка зрения, которая, увы, почти не слышна: Церковь находится в глубоком системном кризисе, и скандалы в СМИ — всего лишь одно из проявлений этого кризиса. Тем не менее, ситуация не безвыходная, проблемы можно и нужно решать. История подсказывает: вообще-то всевозможные кризисы случались в Церкви регулярно, и почти все они были успешно разрешены. Сторонникам этой точки зрения достаются шишки с обеих сторон: антиклерикальная риторика объявляет всю Церковь мертвой и не подлежащей лечению. Изнутри же Церкви доносятся окрики о пятой колонне, предателях в рясах и без них. Таким образом, разбираться в сегодняшнем церковном кризисе — занятие неблагодарное. Но, по совести, молчать и делать вид, что все отлично тоже не получается.

Некоторые из проблем, с которыми сегодня сталкивается Церковь, возникли буквально вчера. Другие же тянутся едва ли не с византийских времен. Одна из таких проблем — это неправильное понимание природы власти в Церкви и излишняя централизация этой власти в руках патриарха. Особенно болезненна эта проблема для Русской Церкви. Русское патриаршество на протяжении практически всей своей истории обладало серьезными изъянами. Это сегодня патриарх воспринимается как неотъемлемый атрибут Православной Церкви. А на самом деле все церковные институты и структуры приемлемы только в том случае, если они служат основному предназначению Церкви — проповеди Евангелия, словом и самой жизнью. Институт патриаршества давным-давно пережил свое время, и сегодня лишь вредит Церкви. Патриаршество — не единственный источник кризиса, но все же один из основных. Особенно очевидно это стало в XX веке.

Высшее церковное управление: теория и практика

Христианская Церковь с самого начала ее исторического пути знает только трехступенчатую иерархию: епископ, пресвитер (священник) и диакон. Епископ — предстоятель, руководитель и представитель всех христиан, проживающих в каком-либо городе. Пресвитер — полномочный представитель своего епископа. Диакон — помощник пресвитера. Первоначально, когда христиан было немного и все верующие города могли собраться в одном помещении, роль епископа и пресвитеров не была достаточно четко разделена. Позднее, когда собраться всем в одном месте стало невозможно, епископ возглавлял основное собрание верующих, а собрания-приходы по окраинам поручал возглавлять своим пресвитерам. Полномочия епископов в пределах своих епархий равны, и епископы не могут по своему произволению вмешиваться в дела других епархий.

Вопрос о высшем церковном управлении, то есть об управлении, выходящим за пределы этой трехступенчатой схемы, совсем не прост. Издревле сложные вопросы, выходящие за пределы компетенции одного епископа, решали церковные Соборы. Но формат проведения этих соборов не был определен. Практика церковной жизни довольно быстро пришла к необходимости выделения в каждой местности особого епископа, который бы занимался созывом таких соборов, председательствовал на них и координировал те действия епископов, которые выходят за пределы их основной компетенции. Этот принцип был зафиксирован в 34-м Апостольском правиле. Такой первенствующий епископ должен был почитаться первым среди равных. Действовать вне своей епархии по собственному произволению, без совета других епископов, он не мог. Таким образом, пост первого епископа не рассматривался и не должен был рассматриваться как четвертая иерархическая степень. Исторически сложилось, что такими епископами выступали епископы крупных столичных городов. Им было присвоено наименование митрополитов.

Процессы централизации церковной власти в Римской империи после принятия ею христианства привели к появлению иерархии первых епископов: к возникновению экзархов и патриархов. В отличие от института первого епископа области институт патриаршества не предписывается канонами. Пост патриарха является не более чем церковной традицией, возникновение которой связано с особенностями церковно-государственных отношений Восточной Римской империи.

На практике патриархи обладали правами, выходящими за пределы правила "первый среди равных". Например, правом т.н. ставропигии — изъятия открывающегося храма или монастыря из-под юрисдикции местного епископа и помещения его в собственное прямое управление. Византийские толкователи канонов прямо признавали, что особые права патриархов основываются не на постановлениях Соборов, а на традиции и обычаях. Таким образом, со строго церковной точки зрения, институт патриаршества является отклонением от первоначальной христианской экклезиологии, т.е. учения о Церкви. Тем не менее, в Римской империи, и позже в Византии, процесс превращения патриаршества в неканоничную четвертую степень иерархии никогда не заходил слишком далеко.

Четвертый лишний

С момента учреждения в 1589 году поста патриарха на Руси патриаршество приобрело весьма неоднозначные черты. В полноте своей они проявились в зловещей фигуре патриарха Никона. Вопреки канонам, пост патриарха прямо толковался как четвертая степень священства. При русском патриархе не было постоянного Синода, уравнивающего единоличное начало в церковном управлении коллегиальным началом. Не был патриарх и "митрополитом над митрополитами", как это практиковалось в Византии. Вместо этого образовалась двухступенчатая система: патриарх и все остальные епископы. Сан митрополита, дающий, согласно канонам, право созывать локальные соборы, на Руси превратился в почетный титул, не наделяющий его носителя никакими административными преимуществами. Таким образом, епископы той или иной области, лишённые митрополита, не могли сами провести свой местный собор. Это вело к принижению роли епархиальных епископов и к повышению роли патриарха.

Институт патриаршества оказался вырван из своего исторического контекста, в котором он смотрелся более-менее уместно, и помещен в совершенно другие условия, в которых он превратился незнамо во что. Превосходство патриарха над другими епископами понимали настолько буквально, что над будущим патриархом повторно проводили таинство поставления в епископы. Это — совершенно беспрецедентная практика во всей церковной истории. Русский патриарх видел себя не "первым среди равных" ему епископов, а господином, а остальных епископов — своими слугами. Патриарх Никон в свое время отказался подчиниться суду Собора, состоящего из других епископов Русской Церкви, и потребовал для себя суда других патриархов, так как не мог представить себя судимым своими "холопами". Большей насмешки над иерархическим устройством Церкви трудно себе представить. Патриарх Никон вмешивался в епархиальные дела других епископов и принимал решения, затрагивающие Церковь в целом, без совета с ними. Плоды самовластного правления патриарха Никона тяжелейший церковный раскол, не уврачеванный до нынешнего дня. Поэтому отмену патриаршества Петром I в 1721 году можно рассматривать как положительное явление. Такое патриаршество Церкви не нужно.

Для решения общецерковных вопросов Петром I был учрежден Правительствующий синод, то есть постоянно действующее совещание, состоящее из нескольких епископов и представителя императора — обер-прокурора Синода. Роль обер-прокурора со временем возросла, так что из простого представителя императора он превратился в чиновника, контролирующего всю деятельность Синода. Это было явным и серьезным недостатком синодальной модели высшего церковного управления. Светский чиновник — случайный, с точки зрения Церкви, человек — получал значительные полномочия в Церкви, а собственно церковная инициатива всячески подавлялась. Негативные стороны синодального строя со временем начали превалировать над положительными последствиями отмены неканоничного патриаршества. В результате синодальное устройство церковного управления воспринималось Церковью как несвобода. С начала XX века появились разговоры о необходимости изменения положения дел.

Изменение положения Церкви в Российской империи связывали с возрождением патриаршества. Эта связка была, по сути, совершенно случайной. За исключением нескольких человек, никто не желал восстановления самовластного и противоречащего канонам патриаршества в духе Никона. В фигуре патриарха видели в первую очередь символ независимости Церкви от светских властей, избавление от ненавистного обер-прокуратуры. А с тем, что это должно быть какое-то другое патриаршество, не допетровское, были согласны практически все.

Тем не менее, даже тогда раздавались голоса против восстановления патриаршества в любом виде. Аргументы, основанные на каноническом праве Церкви, мы рассмотрим ниже. Для начала приведем весьма меткие и не потерявшие своей актуальности доводы против восстановления патриаршества, выдвинутые известным церковным историком Е. Голубинским в 1904 году:

"Народ по своим представлениям о патриархе, которые будут те же, что до Петра, будет искать и требовать от него, чтобы окружил себя возможным блеском и великолепием, чтобы он был «что твой папа в Риме». Но интеллигенция теперь уже вовсе не та, что до Петра: вовсе не разделяя представлений народа, она будет издеваться и потешаться над патриархом за его блеск и великолепие как над своего рода далай-ламой.

Ожидается и будет свобода печати. При этой свободе печати высшая церковная власть по поводу разных недостатков действительных и воображаемых в церковной жизни будет трактуема и ругаема самым безцеремонным образом. Но безцеремонную брань удобнее переносить безличному Св. Синоду, чем единоличному патриарху. Брань на последнего, как на лицо, будет весьма соблазнительна для народа и будет иметь весьма вредные для церкви последствия.

По отношению к самому церковному управлению несомненно, что коллегиальный Св. Синод в качестве высшей церковной власти предпочтительнее единоличного патриарха. Положим, что власть патриарха будет ограничена состоящим при нем собором; но все-таки он не будет чувствовать себя между членами собора как первый между равными, а будет сознавать себя как высокостоящий над ними их начальник. И если случится, что будет избран в патриархи человек властолюбивый и самомнительный, то он может оказаться начальником очень неудобным и даже прямо очень вредным".

Итак, единодушие в вопросе восстановления патриаршества не было. Все вопросы церковного управления возлагались на Поместный собор, созыву которого императорская власть всячески препятствовала.

Собор 1917-1918 годов

После Февральской революции созыв Собора стал наконец возможен. Целью созыва Собора вовсе не было восстановление патриаршества. В церковной жизни накопилось огромное количество проблем и вопросов, требующих немедленного разрешения. Вопрос о высшем церковном управлении был всего лишь одним из них. Епархиальные собрания и съезды духовенства, прошедшие в первой половине 1917 года и озвучившие пожелания Поместному собору, совершенно не касались темы возрождения патриаршества. Это понятно: в новых (увы, недолгих) условиях фигура патриарха как гаранта независимости Церкви от государства, как противовеса самодержцу теряла всякую актуальность. Церковь в краткий миг свободы возвращалась к подлинно апостольским формам организации церковной жизни — к выборности духовенства и епископов, к соборной форме решения важных вопросов. Формы церковного византизма, к которым, несомненно, относится и патриаршество, казались отжившими и неактуальными. Предсоборный совет 1917 г. также отклонил предложение о восстановлении патриаршества.

На Соборе, тем не менее, настроения были другие. У идеи восстановления патриаршества нашлись серьезные союзники. Главным сторонником идеи был честолюбец и карьерист, носитель неоднозначных нравственных и богословских взглядов архиепископ Антоний (Храповицкий). Разумеется, патриархом он видел самого себя. Человек несомненно талантливый и неумно энергичный, он был захвачен идеей неограниченной духовной власти патриарха, а своим идеалом считал зловещую фигуру патриарха Никона, которого хотел канонизировать. В оппонентах у митр. Антония оказался весь цвет церковной науки, лучшие представители мирян и духовенства Русской Церкви.

Дискуссия по вопросу высшего церковного управления, происходившая на Поместном соборе и доступная читателю в составе изданных в 1918-м и переизданных в 1993-2000 гг. Деяний Собора, показывает, сколь спорной для современников была необходимость восстановления патриаршества. И сторонники, и противники были согласны с тем, что канонический строй Церкви предполагает институт первого епископа и регулярно созываемый им Собор, которому принадлежит высшая церковная власть. Главным вопросом было отождествление этого института первого епископа и института патриаршества. Как уже было сказано выше, церковные каноны вовсе не требуют, чтобы первый епископ был непременно патриархом. Доказать такую связь канонически просто невозможно. Поэтому аргументы сторонников патриаршества были обращены не к разуму участников Собора, а к их чувствам, эмоциям, воображению. Иногда они опускались до прямого запугивания своих оппонентов. Безупречные же с точки зрения канонической логики аргументы противников патриаршества выглядели сухо и бледно на фоне цветистой и навязчивой демагогии их оппонентов.

Сторонники патриаршества утверждали, что без патриарха Русская Церковь неполноценна и "безглава", а

Синод — еретичен. Оппоненты справедливо возражали, что синодальный строй хоть и не лишен недостатков, но был признан всеми Поместными церквами как законный. В Синодальную эпоху просияли многие святые и подвижники, возникло церковное образование и церковная наука, пользовавшаяся в то время авторитетом во всем христианском мире. Таким образом, отсутствие патриарха не сделало Церковь неполноценной.

Сторонники возрождения патриаршества уверяли своих оппонентов, что никто не желает восстановления самовластного патриарха в духе Никона, что права нового патриарха будут строго ограничены в пользу Собора в соответствии с 34-м Апостольским правилом. На это выдвигалось возражение, что таких патриархов история не знает и сторонники ограниченного патриаршества на самом деле предлагают создать новый церковный институт. В таком случае нельзя избирать патриарха, пока его полномочия не будут детально сформулированы и утверждены. Кроме того, институт патриаршества вполне определен исторически и само приложение к первому епископу титула патриарха неизбежно приведет к возврату старой практики неограниченной власти.

Сторонники патриаршества уверяли, что в патриархе православные увидят своего отца, вождя, полководца, духовный авторитет, олицетворение единства Поместной церкви, хранителя православия, молитвенника, подвижника, живую организующую силу церковной жизни. (Подобные безосновательные, взывающие к эмоциям выступления составляли большую часть прений по вопросу высшего церковного управления.) Оппоненты терпеливо напоминали, что сам по себе административный пост патриарха совершенно не гарантирует наличие всех этих качеств у того, кто будет этот пост занимать. Личная одаренность и святость вовсе не обязана сопутствовать иерархическому положению. Лишь очень немногие сторонники патриаршества рисковали возражать и утверждать, что при поставлении в патриарха кандидат получит все эти духовные дары от Бога автоматически. В особый мистический статус патриаршего престола верили, пожалуй, только архиеп. Антоний (Храповицкий), архим. Иларион (Троицкий) да иерей Сергей Булгаков. Но эта вера тождественна вере в четвертую степень иерархии, что, как было сказано выше, противоречит учению Церкви.

Сторонники патриаршества верили, что в случае нарушения территориального единства России патриарх Московский будет единственным связующим звеном Русской Церкви. Оппоненты на это указывали, что, наоборот, в таком случае велика вероятность появления патриархов Украинского, Сибирского и т.д. В Восточной Римской империи всегда было несколько патриархов — Константинопольский, Александрийский, Антиохийский, Иерусалимский, — и поэтому не будет удивительным, если национальные части России захотят выбрать себе своих патриархов. (То есть церковный раскол 1992 г. на Украине и возникновение Киевского патриархата были предсказаны на Поместном соборе за 75 лет до самого события.)

Наконец, противники восстановления патриаршества предупреждали, что сосредоточение власти в одних руках неизбежно приведет к угасанию инициативы снизу, без которой построение полноценной церковной жизни невозможно. При отсутствии четкого разграничения полномочий произойдет постепенное сползание к авторитарному стилю церковного правления, а соборность будет умалена.

Как видно, позиция противников восстановления патриаршества выглядит значительно более продуманной и аргументированной. Тем не менее, Собор с нарушениями регламента, давлением на оппонентов и с принудительным прекращением прений принял определение о высшем церковном управлении. Разумеется, определение восстанавливало не самовластное патриаршество Московской Руси — об этом архиеп. Антоний (Храповицкий) не мог даже мечтать, — а учреждало новый, экспериментальный институт патриаршества, подотчетного Собору. Но даже такое ограниченное патриаршество было введено с большим трудом. Механизм взаимодействия патриарха и Собора так и не был определен.

Избрание патриарха последовало незамедлительно. Голосованием определялись 3 наиболее достойных кандидата, а патриарх избирался жребием. Больше всего голосов получил, как и ожидалось, Антоний (Храповицкий), однако Бог указал на другого претендента — митрополита Тихона (Белавина), который и стал первым патриархом Русской Церкви XX века.

Сила Божья в немощи совершается

Патриарх Тихон оказался самым достойным, самым лучшим патриархом Русской Церкви. Избранный управлять, он, тем не менее, не имел никакой фактической власти. Его унижали и притесняли большевики, его поносили и ругали многие из его бывших собратий-епископов, примкнувших к инспирированному ГПУ обновленческому расколу. Традиционные структуры управления Церковью вскоре оказались парализованы, и патриарх Тихон имел минимальные возможности для проведения в жизнь своих решений. Получается образ, имеющий мало общего с популярным ныне типажом "эффективного церковного менеджера". И вместе с тем

патриарх Тихон пользовался таким уважением всей верной ему Церкви, какое более не досталось никому. Нравственный авторитет патриарха был непререкаем. Святость патриарха Тихона была очевидна всем, кто имел с ним дело. Канонизация, каковая состоялось в 1989 году, была лишь делом времени.

Тучи сгущаются

В 1925 году патриарх Тихон, чье здоровье оказалось подорвано тюремным заключением и перенесенными невзгодами, скончался. Новый патриарх не избирался вплоть до 1943 года. Избрание всех трех "советских" патриархов — Сергия, Алексия и Пимена — проходило с грубыми нарушениями постановлений Собора 1917 года. Вместо тайного голосования, наличия нескольких кандидатур и жребия проводилось открытое голосование за безальтернативного кандидата. Разумеется, кандидатура должна была получить предварительное одобрение Совета по делам религий. Поместные соборы, которым, по установлению Собора 1917 года, был подотчетен патриарх, собирались исключительно для "выборов" нового патриарха взамен скончавшегося. В этом смысле вновь восстановленное по личной инициативе Сталина "советское" патриаршество имело весьма отдаленное отношение даже к патриаршеству, утвержденному Собором 1917-1918 гг. Поместные соборы были превращены в формальность.

Правда, это не значит, что патриархи и Церковь советского периода были какими-то "ненастоящими", как утверждают сторонники т.н. Катакомбной Церкви. Патриаршество является не особой священной степенью, а просто административным постом. Поэтому незаконное поставление на этот пост ни на что, кроме как на имидж занимающего его человека, не влияет.

"Советские" патриархи были бесправны и унижены властью. Таким авторитетом, как патриарх Тихон, они не пользовались: по сути были сломлены властями и фактически служили проводниками гонений и притеснений, волнами накатывающихся на Церковь. Чего только стоят, например, навязанные Хрущевым управленческие реформы Архиерейского собора 1961 года, которые священников лишили возможности влиять на жизнь своих приходов и отдали всю власть в руки старост, назначавшихся с одобрения КГБ. И все это безобразие было послушно озвучено и заверено тогдашним патриархом. Подобных примеров — море. Сбылось предсказание противников патриаршества на Соборе — в условиях антихристианского режима патриарх оказался наиболее уязвимой фигурой во всей системе церковного управления. Власти действительно было гораздо удобнее управлять церковной организацией с помощью патриарха. В чем же был собственно церковный смысл существования патриаршества в советские годы — понять решительно невозможно. Впрочем, это не означает, что "советских" патриархов вовсе не уважали простые верующие.

Упущенная возможность

В 1990 году патриарх Пимен после многих лет болезни и почти полной недееспособности скончался. Настроения в обществе изменились. Поместный собор, созванный для выборов следующего патриарха, сильно отличался от предыдущих трех. Патриарха предстояло избрать тайным голосованием, из нескольких кандидатур. На место патриарха метил коррумпированный митрополит Филарет (Денисенко). Когда при выдвижении кандидатур вдруг прозвучало имя настоящего христианина и праведника — митрополита Антония Сурожского (Блюма), — Филарет сделал все возможное, чтобы не допустить попадания его имени в списки. Дальнейшее известно: был избран митрополит Ленинградский Алексий (Ридигер). Филарет же, не принявший своего поражения, через несколько лет стал патриархом никем не признанной Украинской православной церкви Киевского патриархата. Независимая Украина тут же захотела своего патриарха, даже ценой разрыва общения с другими поместными Церквями.

Главный человек в Церкви. Перед бурей

Новоизбранный патриарх Алексий Второй имел представления о достоинстве патриаршего титула, совершенно несовместимые с духом постановлений Собора 1917-1918 гг. Практически все его действия так или иначе укрепляли авторитет патриаршего престола, так что к 2000-м годам патриарх превратился в главу Церкви в самом прямом смысле слова. Сбылись предостережения Собора 1917-1918 гг.: сильная личность на посту патриарха умалит соборность, унизит достоинство других архиереев, замкнет все управление на себя. Многочисленные, доселе невиданные, поездки Алексия по епархиям Русской Церкви принижали местных архиереев, так как в чужих епархиях патриарх — напомним, всего лишь епископ города Москвы! — чувствовал себя полновластным хозяином, приехавшим с проверкой к своим подчиненным. Поместный собор был снова превращен в фикцию, а патриарх в глазах остальной Церкви вырос в незаменимую фигуру, на которой держится все.

В 1905 году крупнейший церковный историк и богослов профессор Н. Глубоковский в письме философу

Василию Розанову предрекал, что восстановление патриаршества неизбежно "грозит нам умственным застоєм и моральною спячкой", упадком и не востребованностью церковной науки. Вряд ли кто-то будет всерьез оспаривать, что именно это мы и наблюдаем сегодня. Патриарх Алексий, по своему личному усмотрению ставивший в епископы молодых малообразованных Лаврских монахов, тем самым косвенно задушил те немногие ростки живой интеллектуальной деятельности, которые дерзнули прорасти без санкции сверху в провинциальных епархиях.

Справедливости ради надо отметить, что Алексий не злоупотреблял своим растущим влиянием и не разменивал свой тщательно взращиваемый авторитет на сиюминутные нужды. По-видимому, он осознал, сколь большую цену теперь придется платить за каждую ошибку. После церковного кризиса второй половины 1990-х, когда фундаменталистски настроенная часть Церкви едва не учинила раскол, патриарх занялся выстраиванием сложной системы сдержек и противовесов, чтобы ни одно из идейных течений в Церкви не могло взять верх. В результате значение его личности еще больше возросло. Любой слух о болезни патриарха Алексия повергал Церковь чуть ли не в панику, потому что, как казалось, не будет патриарха — всем придет конец.

Престол патриарха оказался вознесен на невиданную со времен, наверное, Никона, высоту. Как вскоре оказалось, устойчивость при этом была принесена в жертву. Ну, как если вы сделаете стул с одной ножкой, зато длиной в четыре обычных. Увы, об этом свойстве патриаршего авторитета догадывался, по-видимому, лишь Алексий.

Кризис

Нынешний патриарх Кирилл, вступив в наследование капиталом репутации, собранным Алексием, повел себя совершенно по-другому. А именно — начал тратить его направо и налево, видимо, надеясь на его неисчерпаемость, а так же, как кажется, на собственную непогрешимость. Какие мы наблюдаем плоды?

Вот некоторые из них. Наступление, развернутое Кириллом на Украинскую Церковь Московского патриархата, привело к результатам, прямо противоположным желаемым. Катастрофическое падение популярности патриарха на Украине и быстрый рост автокефалистских настроений — вот плоды бесконечных рассуждений о "русской цивилизации" на территории независимого государства. Московская церковная внебогослужебная жизнь парализована — все находится в режиме ручного управления, все замкнуто на личность патриарха, вся инициатива снизу жестко подавляется. Церковное управление бюрократизируется так, как и не снилось в порицаемую за бюрократизм Синодальную эпоху. Настоятели храмов вынуждены составлять бесконечную отчетность, один вид которой воскрешает в памяти образы из творчества Ярослава Гашека. Поддержка Путина и последующие неуклюжие движения в медиа-пространстве нанесли и наносят огромный ущерб авторитету Церкви. Как и предсказывал Е. Голубинский, любые промахи патриарха, ставшие достоянием СМИ, так же ведут к падению авторитета Церкви.

Приближенные патриарха говорят о "травле" и "антицерковной кампании" в СМИ — но почему-то ни у кого не достаёт фантазии представить себе объектом такой травли предыдущего патриарха, Алексия. Многие священники на условиях анонимности (а миряне — уже вполне открыто) говорят о том, что патриарх Кирилл ведет Церковь к катастрофе. А в публичном пространстве Церкви уверенно звучит лишь голос патриарха Кирилла да нескольких его приближенных. Все остальное погрузилось в тяжкое молчание, мучительный сон, от которого хочется ущипнуть себя и проснуться.

По отношению к правлению патриарха Кирилла среди думающей части Церкви установилось небывалое единомыслие. И условные "либералы", и условные "консерваторы" равно недовольны нынешней ситуацией. На коне оказались разве что маргинальные поборники "духовности" (жаждущие в основном "тащить и не пущать"), "традиционных ценностей", "активного миссионерства" и других подобных симулякров, не имеющих к православной вере никакого отношения. Впрочем, и им не стоит обольщаться: вкусы у патриарха могут измениться...

Кто виноват и что делать

Как мог патриарх Кирилл — человек, несомненно, умный, талантливый и интеллигентный — довести Церковь до такого бедственного состояния, и так быстро? Невозможно поверить, что архимандрит Кирилл, ректор ЛДАиС на рубеже 70-х и 80-х, душа неформального круга верующей ленинградской молодежи, и патриарх Кирилл, клеймящий в проповедях "предателей в рясах", — одно и то же лицо.

Патриаршество, восстановленное Поместным собором 1917-1918 годов, является экспериментальным

патриаршеством. Собор, учреждая патриаршество, это понимал. Так вот, нужно признать, что эксперимент этот полностью провалился, по нескольким причинам, на мой взгляд.

Во-первых, Русской Церкви, в силу ее огромных размеров и неоднородности ее прихожан, не подходит двухступенчатая система управления, состоящая из епископов и патриарха как первого епископа 34 Апостольского правила. Такая система оказывается слишком неповоротливой. Вопрос о введении митрополичьих округов, кстати, поднимался на Поместном соборе 1917-18 годов, но так и не был рассмотрен. Представляется, что оптимальным было бы разбиение всей канонической территории Русской Церкви на митрополичьи округа, с возможностью проведения в каждом округе независимых и регулярных церковных соборов в соответствии с каноническим правом. В этом случае высшее церковное управление Русской Церкви будет избавлено от решения множества частных вопросов церковной жизни, в которых оно, в силу своей удаленности, не всегда способно разобраться. Другая весьма актуальная проблема — вопрос церковного суда. В любой конфликтной ситуации в епархии священник обычно полностью беззащитен перед произволом со стороны епископа. В таких ситуациях единственная надежда на справедливое разрешение вопроса апелляция в вышестоящую инстанцию церковного суда. Сегодня в такой роли выступает Общецерковный суд, дающий простым клирикам хоть какую-то защиту от архиерейского произвола. Однако этот суд собирается очень редко, ждать рассмотрения вопросов приходится буквально годами. Создание апелляционных судов на уровне митрополий, а не всей Поместной церкви, значительно упростило и ускорило бы решение спорных вопросов. Неповоротливый Общецерковный суд должен стать не первой, а второй апелляционной инстанцией, к помощи которой следует прибегать не в рядовых, а в исключительных случаях.

Но это не главное. В конце концов, это вопрос обсуждаемый и не принципиальный. Сегодня только Румынская Церковь строго придерживается трехступенчатой системы, с объединением всех епархий в митрополичьи округа. В остальных Поместных церквях организация епархий содержит в себе элементы различных типов устройства. Главный вопрос — в другом. Никакая другая Поместная церковь не знает такого патриаршества, как в Русской Церкви — самовластного и не готового считаться ни с кем. Патриарх, замкнувший все управление на себя, унизивший соборность и своих собратьев-епископов — вот одна из основных причин нынешнего кризиса. И не важно, как этого патриарха зовут — Алексей или Кирилл... Полномочия патриарха только на бумаге ограничены Поместным собором и Синодом. На практике последний безгласен, а первый — не собирается по воле последних патриархов уже много лет (не считая тех, на которых избирался новый глава Церкви). Чему можно уподобить такую практику? Например, когда избранный президент единолично увеличивает свой президентский срок, или когда парламент простым большинством голосов лишает депутатских мандатов тех парламентариев, которые имеют мнение, отличное от мнения большинства. Это столь же законно, как и отказ от созыва Поместного собора.

Но на самом деле все обстоит еще хуже. Сегодня и нет смысла проводить Поместный собор — епархии не смогут организовать свободные выборы делегатов. Простые делегаты не рискнут, в случае дискуссий, перечить своим епископам. А епископы не захотят ввязываться в споры с патриархом, так как в противном случае рискуют вскоре возглавить вновь созданные епархии где-нибудь на крайнем Севере или в пустынях Средней Азии. Можно представить себе простых прихожан, просящих епископа не перемещать на другой приход своего любимого священника. Очень трудно представить себе священников, заступающихся перед епископом за своего собрата-священника. И совсем не представить себе епископа, возражающего против произвольного перемещения патриархом своего собрата-епископа с кафедры на кафедру. А пока епископы молчат даже в таких, задевающих непосредственно их интересы и материальное благополучие, вопросах — не стоит ожидать, что Синод и Архиерейский собор будут чем-то иным, чем безгласными послушниками патриарха, который самовольно распоряжается в Церкви как в своей вотчине.

Грядущие изменения в Уставе окончательно закрепляют эту практику — лишают Поместный собор даже тени полномочий в Церкви, в пользу управляемого и несамостоятельного Архиерейского собора. Парадокс: Поместному собору разрешают избирать патриарха, но не разрешают рассматривать вопросы вероучения и устройства Церкви. Однако кто, как не Поместный собор, вообще решил восстановить патриаршество? Получилась улица с односторонним движением: восстановить патриаршество Собор может, а упразднить — нет.

Баланс сил, о котором столь беспокоились участники Поместного собора 1917-1918 годов, оказался безвозвратно разрушен, и мы снова получили ущербного и неканоничного патриарха Московской Руси — нового Никона, плюющего на соборность и презирующего компромиссы. Это сказано не к осуждению патриарха Кирилла лично — он сам, в определенном смысле, заложник неправильного понимания роли патриарха в жизни Церкви. Патриарший пресс-секретарь диакон Александр Волков уже не стесняется публично заявлять, что патриарх — вовсе не какой-то там епархиальный архиерей, а ни много ни мало глава

всей полноты Церкви. И, как и три с половиной века назад, никто не возвышает своего голоса против этой вопиющей еклезиологической ереси, навечно, по-видимому, прилипшей к титулу патриарха в Русской Церкви. Получается, все доводы противников патриаршества история подтвердила, а доводы сторонников — опровергла.

Но соборяне 1917-1918 годов не могли предвидеть еще одного фактора — растлевающего влияния тоталитарного советского государства, построенного на лжи и вовлекшего в эту ложь большинство своих граждан. Это влияние, увы, неизбежно проникло и в Церковь, привнес в ее жизнь такие антицерковные начала, как лицемерие и двоемыслие, безответственность и безынициативность, идеологизированность, партийность, нетерпимость к другим мнениям и вождизм. Все эти негативные начала неизбежно сказались и на восприятии патриаршего поста.

Иерархичность Церкви сегодня воспринимается в худших традициях тоталитарного XX века. А пост патриарха — служение, с которым сегодня связано больше всего соблазнов. Все, чьи голоса что-то значит в Церкви, хотят видеть в патриархе начальника, вождя, лидера, аятоллу — только не нравственный авторитет. А нецерковные люди как раз ожидают, что патриарх будет именно нравственным авторитетом — но их мнение никого не волнует... Патриарх Кирилл, похоже, вынужден был поверить в безграничные полномочия, предоставляемые ему его постом, и начал пользоваться ими направо и налево, не считаясь ни с чьим мнением.

Собственно, те же безобразия могли случиться и на 100 лет раньше, если бы до власти дорвался Антоний (Храповицкий). Но Бог тогда не допустил, а сегодня — допустил. Наверное, потому что тогда в Церкви нашлись оппоненты безумию вождизма, а сегодня православные сами жаждут себе аятоллу и вождя.

Исправить ситуацию, как мне представляется, может добровольный уход на покой патриарха Кирилла и длительный, лет на 30-40, мораторий на избрание нового патриарха. Там будет видно, восстанавливать патриаршество или окончательно его упразднить. Административной работой в Церкви пусть занимается Синод, формируемый на выборной основе, без постоянных членов. Я серьезно. А Кирилл, если найдет в себе силы добровольно оставить свой пост, будет после этого пользоваться куда большим уважением, чем пользуется сейчас.

Послесловие для православных. Приближенные патриарха Кирилла очень чутко реагируют на любую критику в его адрес. Не сомневаюсь, что и эта статья не пройдет незамеченной. Предупреждаю возможные обвинения: я — православный, состою в общении с Русской Православной Церковью Московского патриархата. Ни одного дня не был в расколе, всегда причащаюсь и причащался только в тех храмах, где возносят имя патриарха Кирилла, а перед ним Алексия, а перед ним Пимена... К кругу последователей о. Александра Меня я тоже не принадлежу. И покидать Церковь из-за скандалов я не собираюсь и никому не советую. Критика патриарха не ставит меня вне Церкви, как бы этого некоторым ни хотелось. А всех, согласных с моими выводами, я призываю сугубо молиться Господу Иисусу Христу, Его Матери и святителю Тихону о скорейшем устранении соблазнов и искушений, проистекающих от нынешнего патриаршества.

Петр Пименов

Автор: Артур Скальский © Ежедневный журнал РЕЛИГИЯ, РОССИЯ 👁 2967 28.11.2012, 10:34 📌 389

URL: <https://babr24.com/?ADE=110271> Bytes: 36160 / 36062 Версия для печати

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- Телеграм

- ВКонтакте

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)